

Павлова Ирина Петровна, Ивлева Татьяна Владимировна

"ЭТО ЛЮДИ, КАК И МЫ.": НЕМЦЫ И МЕСТНОЕ НАСЕЛЕНИЕ В ЕНИСЕЙСКОЙ ГУБЕРНИИ В ГОДЫ ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ – ВЗАИМНОЕ ВОСПРИЯТИЕ

В статье исследуется взаимное восприятие местного населения Енисейской губернии и размещенных на ее территории пленных немцев в годы Первой мировой войны. Данный процесс рассматривается на основе дневниковых записей гражданских пленных, воспоминаний военнопленных и газетных публикаций военного периода. Авторы приходят к выводу, что немцев в тыловой Сибири не воспринимали как врагов, пленные, со своей стороны, устанавливая контакты с местным населением в силу необходимости, рассматривали местных жителей как представителей менее цивилизованного народа.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/3/2013/12-1/32.html

Источник

Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2013. № 12 (38): в 3-х ч. Ч. I. С. 141-144. ISSN 1997-292X.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/3.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/3/2013/12-1/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: voprosy_hist@gramota.net

Список литературы

1. Вебер А. Университет и историческая ситуация // Вебер А. Избранное: кризис европейской культуры. СПб., 1999. 565 с.
2. Вебер М. Наука как профессия // Вебер М. Избранные произведения. М., 1990. С. 644-706.
3. Гумбольдт В. фон. О внутренней и внешней организации высших научных учреждений в Берлине // Университетская идея в Российской империи XVIII – начала XX века: антология. М., 2011. 527 с.
4. Захаров И. В., Ляхович Е. С. Миссия университета в европейской культуре. М., 1994. 239 с.
5. Налетова И. В. Университет Гумбольдта в динамике развития университетского образования // Вестник Тамбовского университета. Серия: Гуманитарные науки. 2010. Т. 89. № 9. С. 7-12.
6. Новохатько А. Г., Новохатько И. М. К вопросу об историко-философских предпосылках идеи классического университета // Вестник Тамбовского университета. Серия: Гуманитарные науки. 2012. № 11. С. 259-264.
7. Ньюмен Дж. Христианство и научные изыскания [Электронный ресурс] // Отечественные записки. 2003. № 6. URL: <http://www.strana-oz.ru/2003/6/hristianstvo-i-nauchnye-izyskaniya> (дата обращения: 02.11.2013).
8. Ортега-и-Гассет Х. Миссия университета / пер. с исп. М. Н. Голубевой, А. М. Корбута. М., 2010. 144 с.
9. Прохоров А. В. Влияние ценностей академического капитализма на функционирование современных университетов // Вестник Тамбовского университета. Серия: Гуманитарные науки. 2012. Т. 109. № 5. С. 271-277.
10. Шлейермахер Ф. Из сочинения «Размышления об университете в немецком смысле» // Университетская идея в Российской империи XVIII – начала XX века: антология. М., 2011. 527 с.
11. Шнедельбах Г. Университет Гумбольдта // Логос. 2002. № 5-6. С. 65-78.
12. Ясперс К. Идея университета. Минск: БГУ, 2006. 159 с.
13. Barnett R. The Idea of Higher Education. Buckingham: Open University Press and SRHE, 1997. 240 p.

ACADEMIC CULTURE AS IDEA OF UNIVERSITY

Naletova Irina Vladimirovna, Doctor in Philosophy, Professor
Prokhorov Andrei Vasil'evich, Ph. D. in Philology
Tambov State University named after G. R. Derzhavin
Proh_and@rambler.ru; naletova.ir@yandex.ru

Under globalization conditions the role of university in modern society is changing. It explains the necessity of its mission revision, the development of the new idea of university. The article considers the peculiarities of academic culture theory formation within the idea of university as the center of knowledge, science and culture. The changes of these values and their correlation in medieval, classical and mass university are shown on the basis of W. von Humboldt, K. Jaspers, and J. Ortega y Gasset's works.

Key words and phrases: university; academic culture; idea of university; classical university; mass university.

УДК 94(47)“1914/1918”

Исторические науки и археология

В статье исследуется взаимное восприятие местного населения Енисейской губернии и размещенных на ее территории пленных немцев в годы Первой мировой войны. Данный процесс рассматривается на основе дневниковых записей гражданских пленных, воспоминаний военнопленных и газетных публикаций военного периода. Авторы приходят к выводу, что немцев в тыловой Сибири не воспринимали как врагов, пленные, со своей стороны, устанавливая контакты с местным населением в силу необходимости, рассматривали местных жителей как представителей менее цивилизованного народа.

Ключевые слова и фразы: военнопленные; гражданские пленные; немцы; Первая мировая война; восприятие; жители Енисейской губернии.

Павлова Ирина Петровна, д.и.н., доцент

Ивлева Татьяна Владимировна

Красноярский государственный аграрный университет
iripa@inbox.ru; ivlenok84@mail.ru

«ЭТО ЛЮДИ, КАК И МЫ...»: НЕМЦЫ И МЕСТНОЕ НАСЕЛЕНИЕ В ЕНИСЕЙСКОЙ ГУБЕРНИИ В ГОДЫ ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ – ВЗАИМНОЕ ВОСПРИЯТИЕ[©]

Публикация подготовлена в рамках поддержанного РГНФ научного проекта № 13-11-24002.

На новейшем этапе историографии тема социальной психологии войны, массового сознания в условиях войны, ментальных карт стала современной. Работы О. С. Поршневой и Е. С. Сенявской показали возможности подхода к теме «восприятия» событий войны современниками [13; 15]. Появились статьи, обобщающие исследования в области исторической психологии по проблемам Первой мировой войны [11; 14].

На сибирском материале показаны примеры потестарного сознания у основной части населения [8], ставшего основой для впечатлений о пленном противнике. Для рассмотрения тем ментально-поведенческого характера важно учитывать условия, в которых возникают проявления переживаний. Картину военного плена на территории Енисейской губернии отразили в общих трудах о пленном российские, американские, германские исследователи [1; 4; 24]. Проблемы психологического состояния пленного в казармах Военного городка Красноярск, куда они были размещены, рассмотрел Дж. Дэвис [17]. Темой настоящей статьи является восприятие пленного немца в Енисейской губернии местным населением и впечатления военных и гражданских военнопленных о сибиряках. К «немцам» в данной статье относятся немецкоговорящие гражданские (Zivilgefangenen) и военные (Kriegsgefangenen) пленники стран Тройственного союза.

Исследование темы восприятия, как любой темы, касающейся ментального уровня отношений в историческом контексте, осложнено спецификой источников. Основные материалы, по которым можно представить впечатления пленного, мемуарного характера. В период между Первой и Второй мировыми войнами были подготовлены многочисленные авторские сочинения-воспоминания немцев и австрийцев о времени сибирского плена. Они, по мнению Г. Вурцера, были значительной частью низкого литературного уровня и информативности [23, S. 97-98]. Относительная степень достоверности таких источников вследствие «эмоциональной чувствительности» является очевидной. Уникальным источником являются записки девочки из Восточной Пруссии – Эльфриды Элизабет Щука (Sczuka) (1904-2000) и ее отца Иоганна Щука – членов семьи гражданских пленников из Восточной Пруссии – прибалтийских немцев. Семья Щука была интернирована в Сибирь и жила в Военном городке в Красноярске с осени 1914 г. до осени 1916 г. Затем была направлена в с. Нахвальское Енисейской губернии, где проживала до мая 1918 г. [19]. С лета 1915 г. Эльфрида Элизабет вела хронологический дневник. События, происходившие до июня 1915 г., были записаны как воспоминания в 1918 г. Дневник и записки отличаются точностью и определенной беспристрастностью, что может быть объяснено возрастом автора и относительно приемлемыми условиями проживания гражданских пленников в Енисейской губернии. Эти записки изучались исследователями истории детства в Германии, но пока остались без внимания историков в России, поэтому они стали одним из основных источников для написания статьи. Восприятие приезжавших немцев красноярцами, жителями Енисейской губернии нашло отражение в газетных материалах и архивных документах.

Знакомство местного населения губернии с пленными произошло уже в сентябре 1914 г., когда первые эшелоны с ними прибыли в Красноярск. Статьи местных газет не демонстрируют враждебности по отношению к прибывшим в губернском центре, скорее отражают неподдельный интерес. В газете «Енисейская мысль» появилась характерная заметка: «Всего несколько дней тому назад пустынная дорога из города в Военный городок теперь очень оживлена: из города едут и идут обыватели, поглядеть на пленного, оттуда идут пленные, желающие прогуляться по городу. И на городских улицах вы встретите группы пленного, в новеньких мундирчиках – с иголки, прогуливающих по городу. Особенно надменны и неприступно строги германцы. Они держат себя торжественно – почти так же, как и на улицах Берлина – с тою лишь разницей, что там, на Унтер-ден-Линден, у каждого сбоку болтается и гремит по камням сабля» [5].

Прибывших в Красноярск вместе с австрийскими военнопленными гражданских пленников встретили с учтивостью, что объяснялось, по мнению Э. Щука, тем, что они были хорошо одеты, и среди прибывших было много женщин и детей. Очевидно, что горожане были осведомлены о привозе пленного, поскольку улицы были полны народа. Элизабет вспоминает, что, хотя настроение в группе немцев из Восточной Пруссии было нерадостным, они рассмеялись, когда одна из горожанок, осветив их лица фонарем, с удивлением сказала: «Они такие же люди, как и мы». Среди «зрителей» были даже сочувствующие люди, так что пленные почувствовали себя лучше. «Один хорошо одетый человек передал яблоко, чтобы мы поделили», – пишет Э. Щука [19, S. 130]. Местные жители давали им также булки и деньги [5].

Жители деревень настроены были более осторожно, побаивались приезда к ним военнопленных. В рассказе «Деревенская картинка» К. Потанина описаны рассуждения деревенского сибиряка: «...на нашу волость поставят 250 человек австрийцев и германцев... по хатам определят... Нет, этого делать никак нельзя, они вить военнопленные – отчаянные, в одну ночь могут вырезать все население и сожгут, што им... народ опасливый, за ними строго надо доглядывать... к тому же им и корму, и тепло, и светло, народ тоже модной и продувной» [10]. В 1916 г., когда гражданских пленного переселяли в с. Нахвальное, местные жители также собрались, чтобы «германцев» наблюдать, и были разочарованы, увидев в них «похожих» на себя людей [19, S. 130].

Мнения пленного о Сибири и сибиряках отражают разнородную картину впечатлений. Прибывших гражданских пленного удивило, что многие дома в Красноярске были хорошо освещены. Поскольку в Мазурии (Восточной Пруссии) в домах ещё не было электричества, это произвело на прибывших большое впечатление. В записках отмечаются новые красивые массивные здания, добротные вещи в больших окнах [Ibidem, S. 42-43]. В целом же картина России («Russlandbild») в записках военнопленного тенденциозно негативная, что усугублялось её рассмотрением через призму катастрофических условий лагерного быта, которые объяснялись нередко типично русскими чертами – «неряшливостью и неспособностью» [20, S. 13]. При этом условия размещения пленного были первоначально такими же, в каких жили русские солдаты [23, S. 106]. В описаниях русских и их образа жизни отражается своего рода превосходство, «культурное высокомерие», которое местные жители чувствовали. В письмах немецкие военнопленные писали, что «у этих “варваров русских” такое изобилие всяких продуктов, что хватило бы прокормить всю Европу» [7]. В местной прессе отмечалось, что, несмотря на все сложности, кормили военнопленного исправно, «на содержание жалоб мы

не слышали, напротив, многие высказывают удивление, возбуждаемое в них тем радушием, с каким их здесь приняли...». Однако в заметке говорится и о «презрительном» отношении прибывших к сибирякам: «...наше радушие – конечно, вещь похвальная, но, разумеется, только в границах. А мы, кажется, за эти границы переходим. Посмотрите, как презрительно гордо посматривают на публику суровые тевтоны. Ведь под такими взглядами за наше “распущенное” радушие становится стыдно». В скором времени военнопленные перестали быть особенно интересны местным жителям: «уж слишком много их наслади!» [6].

Осенью 1914 г. в Военном городке Красноярска были размещены до 8 тыс. человек. Бараки, по воспоминаниям шведской медсестры Э. Брендштром, были вдвое перенаселены. В этот период среди пленных была большая смертность, которая усилилась эпидемией тифа зимой 1914-1915 гг. [22, S. 182]. С 1916 г. эпидемии прекратились, что историк Р. Нахтигаль связал с деятельностью инспекций сестер Красного Креста [21, S. 140]. Постепенно жизнь размещенных в Енисейской губернии пленных вошла в устойчивый ритм. Благодаря содействию датских посредников, а позже шведского и американского посольств в России в начале 1915 г. были налажены контакты пленных с Германией и Австрией. Они получили почту, деньги, книги. Согласно воспоминаниям, на трудности плена жаловались, в первую очередь, офицеры, которых не привлекали к общим работам и которые жили во много лучших условиях, чем нижние войсковые чины (солдаты их называли «князьками»). При этом их воспоминания содержат самые жесткие оценки России (Сибири). Простые же солдаты, работая вне стен лагеря, имели большие контакты с русской действительностью, повседневностью, и их отношение к стране содержит более мягкие суждения [20, S. 125, 126]. Противоречия возникали на основе культурно-религиозных различий. Например, немцы протестовали, когда их местная охрана отправляла на работы в Рождество, которое, по мнению немцев, имело для русских не такое большое значение, как Пасха [17, p. 150]. Проявлялось и недовольство «экономического характера». Местное население создало «бизнес»: вокруг лагеря было построено несколько лавок. Например, «Еврейская лавка», «Польская лавка», лавка «Веселая вдова», лавка «У большой вши» и другие [19, S. 44]. Пленные жаловались на дороговизну товаров в мелочных лавках в военном городке, на стремление русских легко разбогатеть [6].

Контакты с местным населением были регулярными. Это было связано как с довольно льготным режимом, так и с необходимостью заработка для пленных. В Красноярске в середине июня 1916 г. работало больше половины (65,6%), в сентябре – до 83,55% пленных (сельскохозяйственные, горные, фабричные работы, работы на железной дороге и др.) [23, S. 112]. Жены находившихся на войне русских солдат обращались в городское Попечительство о помощи семьям призванных с просьбой отпустить военнопленных на полевые работы [7], что в редких случаях разрешалось. Пленных офицеров приглашали в качестве учителей в частные дома. Широко использовался труд военнопленных инженеров, бухгалтеров и т.д. В основном этими работами занимались австрийские поляки и немцы. При этом если власти закрывали глаза на контакты пленных чехов, румын, поляков с горожанами, то знакомство с немецкими офицерами «не одобрялось» [1, с. 43-44]. В целом отношения строились бесконфликтно. Пленные занимались изготовлением обуви, одежды, часов, колец и др. и продавали изделия на местном рынке. Красноярцы зывали плохо одетых пленных в дома, отогревали, подкармливали [9, с. 48].

Комплементарный уровень отношений устанавливался между пленными и местными женщинами. Дамы приходили на свидание к пленным, чем вызывали недовольство военных чинов, в результате был запрещен доступ публики в Военный городок [12]. Однако этот запрет нарушался. Между военнопленными и русскими девушками иногда возникали устойчивые связи, в результате которых создавались семьи. Например, германский подданный военнопленный Вилли Генрих просил принять его в русское подданство для женитьбы на своей невесте Макаровой Ольге Степановне [3, д. 5, л. 34]. Другой подданный Германии просил разрешение на выезд с женой Соломатовой Парасковией Иннокентьевной и сыном Владимиром после войны [2, д. 106, л. 1], отдельные пленные вернулись на родину (в Германию, Австрию) с женами. Часть пленных осталась в Сибири, что отмечено в документах, вплоть до 1930-х гг.

Военнопленные в Енисейской губернии организовывали концерты духовых оркестров, театральные постановки, известные своим высоким уровнем. Несколько выступлений театра пленных прошло в здании Общественного собрания Красноярска. Постановка оперы П. И. Иванова-Раткевича «Царевна-земляничка», одной из первых опер для детей на русском языке, проходила при участии оркестра военнопленных [9, с. 54]. Местные жители приходили смотреть на спортивные соревнования в Военном городке. Немецкие дети играли вместе с местными детьми, гуляли в лесу летом, строили снежных баб зимой. Эти примеры свидетельствуют о разноплановых уровнях возникающих отношений.

Глубокий интерес к русскому языку и культуре в источниках не отмечается. Известно, что в лагерях Сибири были организованы регулярные курсы, в том числе по иностранным языкам, уже в 1914 г. Курсы русского языка начались только после революции, в октябре 1919 г., при малом числе участников [23, S. 116]. Возможно это потому, что, как пишет Э. Щука, русский язык учился «на ходу» [19, S. 11]. Интерес к культуре сибиряков проявился в основном в направлении этнографии. В дневнике Э. Щука также значительное место отведено записям о традициях быта, обычаях, обрядах, играх сибиряков, которые она сама с интересом наблюдала. Несколько страниц, например, посвящено описанию сибирской свадьбы.

В целом отношение в глубокой Сибири к пленным не было отношением как к «ненавистным врагам». Высокой концентрации «негативных стереотипов на образе внешнего врага», которую отмечает О. С. Поршнева в целом по России [13, с. 262], не наблюдалось. Сказывались отдаленность от фронта

и традиционное размещение ссыльных на территории Енисейской губернии. Восприятие Сибири, сибирских жителей немецкими пленными не было однозначным, но большей частью критическим, часто негативным, с элементами демонстрации (ощущения) собственного превосходства. Это восприятие, «привезенное» из плена, по нашему мнению, можно рассматривать как одно из условий формирования общего настроения немцев накануне агрессии Германии на СССР в 1941 году.

Список литературы

1. **Гергилева А. И.** Военнопленные Первой мировой войны на территории Сибири. Красноярск, 2007. 125 с.
2. **Государственный архив Красноярского края (ГАКК).** Ф. Р-49. Оп. 3с.
3. **ГАКК.** Ф. Р-53. Оп. 1.
4. **Греков Н. В.** Германские и австрийские пленные в Сибири (1914-1917) // Немцы. Россия. Сибирь: сб. статей. Омск: ОГИК музей, 1997. С. 154-180.
5. **Енисейская мысль.** 1914. 26 сентября.
6. **Енисейская мысль.** 1915. 13 января.
7. **Енисейская мысль.** 1915. 19 марта.
8. **Кижяева Т. А.** Менталитет и социальное поведение сельского населения Томской губернии в годы Первой мировой войны (1914-1917): автореф. дисс. ... к.и.н. Барнаул, 2006. 23 с.
9. **Комарова Т. С.** «Тем, кто в забвенье брошен был судьбой...». Енисейская губерния в годы Первой мировой войны. Красноярск: Сибирский печатный двор, 2007. 120 с.
10. **Минусинский листок.** 1915. 15 февраля.
11. **Оболенская С. В.** «Немецкий вопрос» и представления в России о немцах в годы Первой мировой войны // Россия и Германия / ред. кол. М. Н. Машкин, Ф. И. Новик, А. М. Филлитов, Г. Н. Сапожникова, Н. Ф. Сокольская. М.: Наука, 2001. Вып. 2. С. 175-197.
12. **Отклики Сибири.** 1915. 22 октября.
13. **Поршнева О. С.** Крестьяне, рабочие и солдаты России накануне и в годы Первой мировой войны. М.: РОССПЭН, 2004. 368 с.
14. **Семёнова Е. Ю.** Историография проблемы мировоззрения российского общества в Первую мировую войну // Известия Самарского научного центра Российской академии наук. 2011. Т. 13. № 3. С. 213-221.
15. **Сенявская Е. С.** Противники России в войнах XX века: эволюция «образа врага» в сознании армии и общества. М.: РОССПЭН, 2006. 287 с.
16. **Сибирская мысль.** 1915. 11 сентября.
17. **Davis G.** Prisoner of War Camps as Social Communities in Russia: Krasnoyarsk 1914-1921 // East European Quarterly. 1987. № 2. P. 147-163.
18. **Gatrell P.** Prisoners of War on the Eastern Front during World War I // Kritika: Explorations in Russian and Eurasian History. 2005. Vol. 6. № 3. P. 147-163.
19. **Gefangen in Sibirien: Tagebuch eines ostpreußischen Mädchens 1914-1920** / hrsg. K. Borck, L. Kölm. Osnabrück: Fibre Verlag, 2001. 268 S.
20. **Leidinger H., Moritz V.** In Russischer Gefangenschaft: Erlebnisse österreichischer Soldaten im Ersten Weltkrieg. Wien – Köln – Weimar, 2008. 292 S.
21. **Nachtigal R.** Rußland und seine österreichisch-ungarischen Kriegsgefangenen (1914-1918). Ramschladen: Greiner, 2003. 391 S.
22. **Unter Kriegsgefangenen in Rußland und Sibirien 1914-1920 von Elsa Brändstöm.** Leipzig: Verlegt bei Koehler & Amelang, 1925. 241 S.
23. **Wurzer G.** Die Erfahrung der Extreme. Kriegsgefangene in Rußland 1914-1918 // Kriegsgefangene im Europa des Ersten Weltkriegs / hrsg. von J. Olmer. Paderborn – München – Wien – Zürich: Ferdinand Schöningh, 2006. S. 97-125.
24. **Wurzer G.** Die Kriegsgefangenen der Mittelmächte in Russland in Ersten Weltkrieg. Göttingen, 2005. 627 S.

**“THESE ARE PEOPLE LIKE US...”: GERMANS AND LOCAL POPULATION
IN YENISEI PROVINCE DURING THE FIRST WORLD WAR – MUTUAL PERCEPTION**

Pavlova Irina Petrovna, Doctor in History, Associate Professor
Ivleva Tat'yana Vladimirovna
Krasnoyarsk State Agrarian University
iripa@inbox.ru; ivlenok84@mail.ru

The article studies the mutual perception of the local population of Yenisei province and the German prisoners allocated within its territory during the First World War. This process is considered basing on the diary notes of civilian prisoners, the recollections of prisoners of war and newspaper articles of the war period. The authors come to the conclusion that the Germans in the rear of Siberia were not perceived as the enemy, but the prisoners established contacts with the local population because of necessity and considered the natives as the representatives of the less civilized people.

Key words and phrases: prisoners of war; civilian prisoners; Germans; First World War; perception; inhabitants of Yenisei province.